

Беседа 39 Первый допрос Пилата Иисусу

*Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего? Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе. Пилат сказал им: возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого, — да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Яна то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем
(Ин. 18, 29 - 38).*

Первый допрос Пилата Иисусу

Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился

(Мф. 27, 11 - 14).

Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь. И первосвященники обвиняли Его во многом. Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился

(Мк. 15, 2 - 5).

И начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем. Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он сказал ему в ответ: ты говоришь. Пилат сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке. Но они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места

(Лк. 23,2 - 5).

Исполнилось то, что давно предсказывал о Себе Иисус Христос. Он представлен суду язычника — Пилату.

И они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху (Ин. 18, 28).

Так начали дело свое у Пилата члены синедриона, явившиеся к префекту с Иисусом! Закон признавал нечистым прикасавшегося к мертвецу; закон признавал нечистыми дела язычника, несогласного с вечным законом, но он не объявлял дом язычника нечистым (Числ. 9, 6). Фарисейская гордость требовала, чтобы по возвращении с торга непременно омываемы были руки, которые касались

там вещей язычника (Мк. 7, 4). Эта гордость, оцепившая комаров, глотала верблюдов, и теперь, не касаясь претории язычника, дышало жаждою крови Праведника.

Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего?

Римский префект, заведовавший Иудеею, без сомнения, давно слышал об Иисусе: слухом о Нем была полна Палестина. Пилат, без сомнения, знал и о происшествиях прошлой ночи — о взятии Иисуса под стражу и о суде над Ним во дворце Каиафы: там участвовала римская стража. Он вполне знал, каковы были те люди, которые явились к нему; знал даже и то, что иудейская знать ненавидит Иисуса по личным видам (Мф. 27, 18). Он помнил и то, как римские законы строги к невнимательному судье, Потому самым первым вопросом дает он понять синедриону, что он не верит справедливости суда его и не намерен исполнять желаний его так скоро, как хотелось бы синедриону. Он требует, чтобы доказали ему вину Иисуса.

Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе, — сказали члены синедриона. Досада и злость звучали в этом ответе. Синедрион не хотел и думать, чтобы приговор полного синедриона Пилат дозволил себе подвергать сомнению. Синедрион дает понять, что голос полного синедриона стоит того, чтобы доверять ему. «Считают достаточным, что Он взят ими, как будто и не могут они делать несправедливости» (святой Аммоний). Гордый синедрион не называет даже по имени Того, о Ком говорит он Пилату и называет злодеем Того, Кто столько добра делал иудейскому народу.

Возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его, — сказал Пилат насмешливо, то есть если синедрион так уверен в своей непогрешимости, если он так уверен в своей непогрешимости, пусть он судит, как знает, и исполняет решение, как может.

Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого. Синедрион понял насмешку Пилата над слабостью его власти, но кровавая цель была дороже всего. Чтобы достигнуть ее, синедрион не только снес обиду, но сознался и сам в неприятной для него правде, что ему не *позволено предавать смерти никого*. Синедрион в то время сам по себе мог исключать виновного только из синагоги и наказывать несколькими ударами (Мф. 10, 17), но не имел права лишать жизни какого бы то ни было преступника без суда префекта. Это значило, что Иуда уже лишился правительственного жезла, как пророчествовал патриарх Иаков, и явился Ожидаемый

Первый допрос Пилата Иисусу

языческими народами (Быт. 49, 10). Синедриону прежде всего надлежало думать о судьбах Божиих, но он не о том думал.

И начали обвинять Его, говоря: мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем.

Чтобы заставить Пилата судить Иисуса, синедрион стал *обвинять* Иисуса в гражданских преступлениях. Три вины возводил он на Иисуса: будто назорейский Учитель возмущает народ, будто запрещает давать дань кесарю и будто называет себя царем земным. Бессовестно клеветает синедрион. Не посланным ли синедриона сказал Спаситель: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*, когда они коварно спрашивали Его: *позволительно ли давать подать кесарю, или нет?* (Мф. 22, 17 — 21). Неповелел ли Он Петру заплатить дань за Него и за себя (Мф. 17, 24 — 27)? Не скрылся ли Он от народа, когда тот против Его воли хотел провозгласить Его царем (Ин. 6, 15)? Пилат не обратил никакого внимания на два первых обвинения, как на несомненную для него клевету. Но, как римский префект, счел нужным спросить Иисуса по последнему обвинению.

Да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуместь, какую смертью Он умрет, говорит святой Иоанн. Если бы обвинили Иисуса только в преступлениях против веры — Иисус не был бы на суде язычника и не умер бы на кресте. Но Господь предсказал, что Его предадут язычникам, и Он умрет крестною смертью (Мф. 20, 19; 26, 2; Ин. 3, 14; 12, 32; Мк. 10, 33 - 34). И вот слова Его исполняются.

Признавая нужным рассмотреть обвинение на Иисуса, но, не удостоивая синедрион доверием, Пилат взял Иисуса в преторию.

Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский?

Тот, Кто имел власть над небом и землею, Судья вселенной, стоит пред судьей язычником. Какое самоуничуждение глубокое! Виновный Адам скрылся от лица Судьи — Бога. Невинный Адам стоит пред судом язычника — за кого? За меня и за тебя, за всех людей, слушатель мой!

Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне?

Для Себя Господь не имел нужды спрашивать, почему Пилат называет Его царем. Но была нужда, чтобы Пилат подумал, имеет ли он основания предлагать такой вопрос Иисусу. Господь спрашивает:

по собственному ли дознанию префект римский нашел в Иисусе что-либо такое, почему спрашивает, царь ли Он? Или он предлагает этот вопрос только по наговору иудеев? Первого Пилат не мог утверждать, потому что не видел даже повода к тому в жизни Иисуса. А сознаваясь в последнем, должен был сознаться, что предлагает вопрос клеветы. Ибо тогда кто обвиняет Иисуса в оскорблении власти кесаря? — Синедрион, тот синедрион, который, как знает Пилат, ненавидит римскую власть. Можно ли верить, что синедрион — враг кесаря — искренно заботится о правах кесаря? Можно ли верить, что синедрион знает о замыслах против власти кесаря, а римский прокуратор Иудеи ничего не знает, тогда как более, чем синедрион, имеет и средств и побуждений наблюдать за неприкосновенностью прав кесаря?

Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?

Гордый префект, казавшийся дотоле другом правды, оскорбился тем, что ему показали правду, неприятную для него, заставили его видеть, как неосмотрителен вопрос его. Он начинает с того, что выражает презрение к верованию иудея в Мессию. Я не иудей, говорит он, чтобы разделять мечты иудея о Мессии, потому не знаю, имеешь ли и какие виды имеешь Ты на царство? Здесь видно и уважение к правде. Но почему бы Пилату пренебрегать верою в Мессию? Ах! Вера в Мессию — Спасителя мира — нужна, очень нужна и людям далеко лучшим Пилата; ее питали в душе и лучшие язычники. Другое дело — вера тогдашних иудеев в Мессию, царя земного. При святой вере в Мессию Пилат мог бы увидеть и несправедливость иудеев, и справедливость Иисуса, Члены синедриона, продолжал Пилат, сказали, что ты — Царь, и хотя эти люди известны с невыгодной стороны, но прокуратор должен исследовать столь важное обвинение и потому спрашивает: что сделал Ты такого, почему обвиняют Тебя в оскорблении власти кесаря?

Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего.

Не отвергая того, что Он — Царь, Господь показывает, что Царство Его не есть мирское, и в доказательство того указывает на опыт. Если бы Царство Его было мирское, говорит Он, то подданные Его защитили бы царя своего от насилия синедриона, не допустили бы до того, чтобы предан он был во власть иудеев. Если же так, то римскому префекту не для чего опасаться Иисуса, и ничего не мог Он сделать такого, по чему бы имели право подозревать Его в замыслах против власти царя земного.

Первый допрос Пилата Иисусу

«Итак, Ты Царь?» — спросил Пилат, мало заботливый о духовном Царстве и считавший себя ловким судьей.

Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Свободно подтверждает Спаситель то заключение, какое вывел Пилат из слов Его; свободно утверждает, что Он — точно Царь. Так называли Мессию пророки (Пс. 2, 8; Дан. 7, 13). Иисус явил Себя, говорит Апостол, свидетелем доброго исповедания пред Понтием Пилатом (1 Тим. 6, 13). Это было доброе исповедание как по содержанию, так и по духу, с каким оно было произнесено. Спокойно, бестрепетно, в виду грозных опасностей свидетельствует Иисус Христос об истине.

В объяснение Своего исповедания не говорит Господь о полном значении духовного Своего Царства, что не мог понять Пилат, но говорит о доступном и для ума Пилата. Назначение земной жизни Иисуса состояло, между прочим, в том, чтобы свидетельствовал Он об истине, которую люди частью превратили в ложь произволом ума и сердца, частью не в состоянии узнать ее без помощи небесной (Рим. 1, 21 — 28; 1 Кор. 1, 21). Лучшие философы говорили о себе, что они ищут истину, стремятся к истине, и более того не имели права говорить о себе. Но Тот, Кто сошел с неба, *свидетельствует об истине*, — открывает истину, как вполне известную Ему, говорит о ней, как ее очевидец. Так говорил о Себе Иисус и в слух иудеям (Ин. 3, 11, 32). Это знание не доступно ни для кого другого, но оно оставляет в покое права и власть земных царей; оно если и может касаться их, то только с тем, чтобы выгонять мраклжи и заблуждений из всех обществ человеческих, и, следовательно, с тем, чтобы содействовать благу царств и народов. Отселе и подданные Иисуса — не то, что вооруженные воины, и не то, что платящие подать граждане. Христа Иисуса слушают, Христу Иисусу покоряются те, которые *от истины*, имеют сродство с истиною, в которых любовь к истине возбуждена свыше (Рим. 11, 8). Об этом говорит Господь и иудеям: *Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне. Кто из вас обличит Меня в неправде?*

Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне? Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога (Ин. 8, 43 — 47). Овцы Мои слушаются голоса Моего (Ин. 10,27). Таким образом, Пилат мог понять и то, почему синедрион ненавидит Иисуса.

Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям.

Как понять Пилата? Что за вопрос его? Что за поступок? Что Пилат теперь не во враждебном расположении к Иисусу, это ясно из слов его, которые сказал он иудеям: *не обретаю в Нем вины.* Но по тем же словам видно, что он занят только выгодами земными. Если присоединим к тому еще то, что он, предложив важный вопрос: *что есть истина?* — тотчас оставил Свидетеля истины, то пред нами явится Пилат как легкомысленный римский вельможа, который и политикою занимается, как делом неизбежным по службе тщеславия, но далек, от того, чтобы понимать и принимать небесную истину. Рассуждать о небесной истине у него нет желания, он предоставляет это занятие другим, которых считает людьми-мечтателями. *Что есть истина?* Спрашивает он полунасмешливо. Философы, думает он про себя, не нашли истины, иудейское учение не стоит внимания, и умный человек едва ли не скептик.

И сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем.

Пилат убедился, что Иисус невиновен пред кесарем, и говорит о том синедриону, чтобы и тот смягчился в своем нерасположении к Иисусу.

И первосвященники обвиняли Его во многом. Синедрион по-прежнему глух к голосу правды, по-прежнему остается с кровавою решимостью против Иисуса. Члены его с жаром злости говорили против Иисуса, чтобы заставить Пилата не освободить Его от суда. Святой Лука, показывая содержание того, что говорили теперь об Иисусе враги Его, говорит: *они настаивали, говоря, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места.*

Тогда как синедрион осыпал Иисуса клеветой, Иисус Христос стоял спокойный и безмолвный. Эта разность положений обвинителей и обвиняемого сама по себе была поразительна. — *Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что*

Пилат дивился. Иисус все еще ничего не отвечал, так что правитель весьма дивился (Мк. 15, 4 — 5; Мф. 27, 14). Молчание Иисуса было естественно. Слова иудеев были слова без доказательств — они не стоили ответа после того, что известно было клеветникам и Пилату об Иисусе (Ин. 18, 20). Пилат понял значение молчания Иисуса и дивился как спокойствию, так и уму Его, ясным и при встрече с бурей злобы.

Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме (Лк. 23, 6 — 7).

Пилат не сомневался в невинности Иисуса. Но вместе с тем не только житейские расчеты гораздо более значили для него, чем небесная истина, но и собственный покой дороже был ему, чем гражданская правда. Он рад был привязаться к чему-нибудь, лишь бы не продолжать борьбу с синедрионом за правду. *Разве Он Галилеянин?* — спросил Пилат, обратясь к тому, что в клевете синедриона упоминали о Галилее. И, услышав о происхождении Его из Галилеи, поспешил воспользоваться тем для своих видов. У римлян был закон, который говорил, что преступник должен судиться тем начальником, к области которого он принадлежит. Этот закон исполняли когда хотели, и еще менее чем кто-либо уважал его Пилат, недавно пред тем предавший смерти множество галилеян без всякого сношения с правителем Галилеи Иродом. Теперь Пилат решился воспользоваться этим законом, чтобы отослать Иисуса к Ироду. Пилат рад был этой мысли тем более, что, как думал он, одновременно делал он два дела: избавлял себя от труда иметь дело с синедрионом и, оказывая учтивость Ироду, мирил его с собою, тогда как тот оскорблен был поступком его с галилеянами (Лк. 13,1).

Вот и суд Пилата над Иисусом! Пилат уверился в невинности Иисуса и признал невинность Его в слух синедриона. И однако освободил ли Иисуса от суда? Нет, он только воспользовался делом Иисуса для своих видов. Да избавит нас Бог от несчастья видеть судей, подобных Пилату! — Пилат остался холоден и к небесной истине, столько нужной для бессмертной души нашей. Таков светский человек. Мирские занятия, привычки жизни усыпили в нем лучшие стремления души. С утра до вечера занимаясь делами обиходной жизни, хлопотами об удобствах жизни, об удовольствиях и развлечениях, он забывает о своем высшем призвании, о нуждах лучшей стороны своей природы. Мало-помалу доходит он до того,

что об истинах вечных уже не считает нужным тревожиться и думать. Только для разнообразия, для развлечения, в свободные часы или по случаю неизбежному думает он о вере, а в другое время считает все толки о вечных истинах лишними, бесплодными, как будто небо ниже земли и вечность дешевле времени. Каковы его правила жизни? — Вместо добродетели он уважает благоразумие мирское, вместо благочестия — приличие в жизни. Жалкое, страшное положение души! В нем отдается убийству всё, что есть лучшего в душе человеческой, в нем низводится человек на степень неразумного животного. Проснись, несчастная душа! Приди в себя, заблудшая дочь неба! За гробом ждет тебя грозная вечность, за последними вздохами стихийной жизни явишься ты на суд к Тому, Кто создал Тебя. Собери развлеченные по предметам мира мысли твои, чтобы остановиться на себе самой, подумать о своем положении, о своей участи. Нельзя душе бессмертной не чувствовать, не признавать того, что жизнь чувственная — слишком низка, слишком грязна, вовсе не достойна ее; нельзя не чувствовать и не сознавать, что блага земли, сколько ими ни наслаждайся, не наполняют собою духа нашего — он рвется, он стремится к другим благам, к другой, лучшей отчизне, его томит жажда благ, не пробегающих подобно волне и мечте. Положение твое — положение потерянного сына, погубившего отцовское имение, употребившего во зло все лучшие дары неба и умирающего от голода. Иди же к Отцу твоему, чтобы сказать Ему, со всею искренностью: *Отче! я согрешил против неба и пред Тобою* (Лк. 15, 21). Иди, не слушаясь более самолюбия, которому тяжело видеть унижение, приобретенное легкомыслием твоим. Иди к Отцу — Он ждет тебя, Он примет тебя. Аминь.

